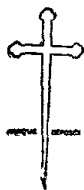

В. КОРЧЕМНЫЙ

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ГЕРАНИЕМЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ГЕРАНІЕМЪ

(П о в ѣ с т ь)

1.

Къ концу лѣта 1918-го года, въ одномъ изъ Иринскихъ переулковъ, въ Москвѣ, появился пре- странный человекъ, одѣтый въ военную шинель офицерскаго покроя, безъ пуговиць и безъ погонь, въ старую соломенную шляпу типа «Панама», съ большими дырявыми полями, и въ шведскія свѣтло-жел- тыя перчатки, весьма тщательно и даже френтовато натянутыя на небольшія, изящныя руки. Въ правой рукѣ этотъ человекъ держалъ толстую, бѣлую палку изъ некрашеннаго дерева. Съ неопредѣленнымъ бой- кимъ рвеніемъ, съ игривой энергіей, онъ размахи- валъ, вертѣлъ, фехтовалъ этой палкой въ воздухъ, или лихо стучалъ ею на ходу, по плитамъ тротуара, по тумбамъ. А въ лѣвой рукѣ, старательно и тор- жественно прижатой къ бедру, онъ несъ гераній, — обыкновенный домашній гераній, въ глиняномъ горшочкѣ, обернутомъ грязнѣйшимъ лоскутомъ га- зетной бумаги. Къ одной изъ петель его шинели была привязана ветхая красная тряпица, скомкан- ная и порывѣвшая. Точно такая-же тряпица болта- лась на верхушкѣ засохшаго геранія.

На лицѣ его, хотя и очень блѣдномъ, обезкров- ленномъ, съ провалившимися щеками, весело блуж- дала и то-и-дѣло плутовато играла загадочно-насто-

роженная улыбка; глаза горѣли, но и смѣялись до-
вѣрчиво и съ лукавымъ вызовомъ. Казалось, онъ
мысленно говорилъ, обращаясь къ кому-то невиди-
мому: — «Посмотримъ, братъ, какъ это я тебя не
настигну!» — Изъ подъ обвислыхъ полей шляпы,
надѣтой на затылокъ, выбивались темные, густые
волосы, слегка вьющиеся и съ сильной просѣдью;
что-то ребячески-удалое было въ кругломъ, краси-
вомъ лбѣ. А носъ его, короткій, ровный, съ широко
раздутыми ноздрями, упорительно обнюхивалъ воз-
духъ, землю, а порою устремлялся и къ самому небу.
И даже въ совершенно сѣдой бородкѣ, небольшой,
но очень густой, было какое-то затаенное, шалов-
ливое и дерзкое веселie, былъ вольный порывъ.

Ростомъ онъ былъ очень великъ — и на ходу
замѣтно сутулилъ спину. Но ежеминутно онъ какъ-
бы напоминалъ себѣ, что униженно горбиться не
слѣдуетъ. что жизнь хороша, — и тотчасъ же, точ-
но сбросивъ съ себя бремя какихъ-то ненужныхъ,
постылыхъ заботъ, освобожденно вздыхалъ, мощ-
но расправлялъ плечи, и вскидывалъ голову
вверхъ, какъ-будто даже съ гордымъ презрѣнiемъ
къ кому-то или къ чему-то, и упорно покусывалъ свою
сѣдую, крѣпкую бородку... Внезапно и стремительно
онъ пересѣкалъ переулочъ, останавливался возлѣ
какого-нибудь дома, бѣгло и дѣловито оглядывалъ
его со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ рѣшительно стучалъ
своей дубинкой въ запертыя ворота или двери. Ко-
гда онѣ раскрывались, онъ по-военному, коротко
притрагивался правой рукой къ полямъ своей шля-
пы и глубоко надорваннымъ, но все-же прiятнымъ
груднымъ голосомъ обрывисто спрашивалъ, напря-
женно сверкнувъ сѣрыми глазами:

— Нѣтъ ли у васъ свѣтлаго угла для одинокаго?
Я — одинъ! Я — и моя герань!

И двери захлопывались передъ нимъ.

Онъ равнодушно пожималъ плечами, нижняя губа его вздрагивала брезгливо. Въ свѣтлыхъ глазахъ все глубже, все острѣе разгоралось пламя новаго ликовація. Рука, сжимавшая бѣлую палку, высоко приподымалась, онъ фехтовалъ размѣренно... — и вдругъ сокрушалъ невидимаго врага тяжелыми ударами.

А потомъ, опять — бодро, *браво* — шагаль по тротуару, весело и ядовито озираясь по сторонамъ, опять съ внезапной рѣшимостью пересѣкалъ переулокъ и подходилъ къ другому дому. И снова властно стучался.

И однажды, передъ самымъ заходомъ солнца, онъ постучался къ Вѣрунѣ. Это было на четвертый или на пятый день послѣ его перваго появленія въ Ирринскомъ переулкѣ.

Она слышала о немъ отъ сосѣдей, видѣла его изъ окна, когда онъ съ особымъ стараніемъ размахивалъ своей палкой, и подумала, что хорошо-бы приласкать несчастнаго. «Можетъ быть, — промелькнуло тогда въ ея мысляхъ, — надо сейчасъ-же отдать ему бабушкины коралловые сережки, до сихъ поръ уцѣлѣвшія...» Въ эти дни, когда весенняя молодость Вѣруни, день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, не только безропотно, невозмущенно, но и какъ-то легко, почти радостно протекала въ неослабной борьбѣ съ голодомъ, холодомъ, съ грязью, съ тяжестью непосильныхъ ношъ (ибо она таскала на себѣ пудовые мѣшки) и со всей этой всегдашней убылью, роковой гибелью и разрушеніемъ всего нужнаго, желаннаго, всего любимаго въ жизни, — въ эти жестокіе дни въ душѣ ея проснулась потребность въ милосердіи... На стукъ она открыла сама. И когда онъ, устремивъ на нее блуждающій, шалый огонь своихъ свѣтлыхъ глазъ, подозрительныхъ и хохочущихъ, произнесъ свое обычное:

— Нѣтъ ли у васъ свѣтлаго угла для одинока-

го? Я — одинъ! Я... — она сказала, не давъ ему договорить, раскраснѣвшись и торопливо:

— Войдите, пожалуйста! Да... Прошу васъ...

Онъ слегка помахалъ дубинкой и отвѣтилъ, понижая голосъ, но коротко и строго:

— Пройдите впередъ!

Она провела его на кухню... Онъ шелъ за ней, постукивая по полу дубинкой и вполголоса напѣвая, въ тактъ своимъ шагамъ, на военный ладъ:

«Грамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!

Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

Огромная старинная кухня была единственной комнатою, оставленной латышами (они занимали весь домъ) въ распоряженіи Вѣруни, — кромѣ той каморки, въ сѣняхъ, въ которой она спала. А отецъ и мать, оба больные, беспомощные, безвыходно жили въ верхнемъ этажѣ дома, въ небольшой комнатѣ безслѣдно пропавшаго сына-студента, Николая... Николай пропалъ послѣ митинга «для интеллигенціи», устроеннаго мѣстнымъ районнымъ комитетомъ коммунистической партіи. Высокопоставленный ораторъ, пріѣхавшій изъ Кремля, тщедушный человѣкъ съ жиденькой черной бородкой, въ пенснѣ, энергично отчеканивая слова и могуче потрясая въ воздухъ хилымъ кулакомъ, говорилъ: — «Когда мы сдѣлаемъ наше пролетарское дѣло, когда мы внѣдримъ въ пролетаріатъ опредѣленное классовое самосознаніе, когда мы окончательно зложимъ социальныя первоосновы пролетарскаго государства, — тогда мы позволимъ всѣмъ вамъ, студентамъ, учителямъ, профессорамъ, адвокатамъ, болтать и писать, сколько вамъ влѣзетъ и гдѣ и какъ хотите. А пока, мы говоримъ вамъ: — «Цыцъ!» — «Цыцъ!» — тотчасъ-же отозвалось въ залѣ. — Кто сказалъ? — строго спросилъ ораторъ, поправляя на носу пенснѣ. — Я сказалъ! — крикнулъ Николай,

поднимая руку. По залу забѣгали латыши, съ винтовками. При выходѣ его схватили... Онъ исчезъ безслѣдно... Вѣруня перебралась въ чуланчикъ, за кухней.

II.

«Трамсъ! Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!»

«Тарарамсъ-тамсъ-тамсъ!» — бормоталъ этотъ человекъ, остановившись посреди кухни, медленно снимая шляпу и перчатки, но не выпуская изъ рукъ ни дубинки, ни геранія. А Вѣруня говорила ему, — какъ всегда, когда бывала смущена, — конфузливо и растерянно прикасаясь руками къ вискамъ, къ прическѣ:

— Садитесь, пожалуйста! Прошу васъ...

Онъ отрицательно покачивалъ головой и выслѣживалъ каждое движеніе Вѣруни не-моргающими глазами; а въ нихъ лихо метались искры: «Посмотримъ, какъ это вы теперь... посмотримъ!»

Она поставила на столъ кружку съ кипяткомъ, слегка окрашеннымъ шепоткой морковнаго чая, и двѣ лепешки изъ картофельныхъ отрубей (хлѣба не было).

— Ну, согрѣйтесь!

А на дворѣ не было холодно. Но она не знала, какъ сказать, стыдясъ изъ-за лепешекъ.

Онъ бережно опустилъ на столъ свой гераній, прихлопнулъ рукой по горшку и сдѣлалъ ею такой жестъ, какъ будто-бы хотѣлъ сказать: «Вотъ тебѣ, дружице, и мѣсто!» А затѣмъ, положивъ дубинку на столъ, обвелъ глазами комнату...

— Вотъ здѣсь! — сказала Вѣруня, кивкомъ головы указывая на небольшой образокъ Богоматери, висѣвшій въ углу.

Онъ подошелъ къ углу, сдвинулъ каблуки по-военному, выпрямилъ плечи и — такъ-же, какъ шагаль — *bravo*, отчетливо, точно рапортуя по формѣ Вышему Начальству, произнесъ краткую молитву, начинающуюся словами. «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ.» Послѣ этого онъ перенесъ свой гераній въ уголь, подъ образокъ. А потомъ, присѣвъ къ столу, сталъ медленно отхлебывать изъ кружки... Вѣруня невольно потупляла глаза подъ его взглядомъ...

— Сколько лѣтъ ?

Она сказала.

— Звать какъ?

Она отвѣтила.

— Родные гдѣ?

Она пояснила.

— Богу молишься?

— Да.

— А при царѣ что дѣлала?

— Училась въ гимназiи.

— А конфетки любишь?

— Очень люблю.

— Ну, а какъ ихъ не стало?!

— Я тогда подумала: «Господи, какъ-же это теперь безъ конфектъ-то будетъ?!» А потомъ привыкла.

— Цвѣты любишь?

— Люблю.

— Дай пить моей герани!

Она едва не сказала — «Да вѣдь она засохла, умерла!» — но во-время раздумала.

Онъ слѣдилъ за ней взглядомъ, въ которомъ медленно угасало безумие, пока она поливала и поила мертвый цвѣтокъ. На глаза его набѣгали слезы. Она подошла къ нему, положила руку на его рукавъ и сказала:

— Не плачьте! Вамъ бы лишь подкормиться...

Но онъ отказался отъ второй кружки и съѣлъ одну лепешку. Отстранивъ руку Вѣруни, онъ снова подошелъ къ углу, подь образокъ, и — такъ-же, какъ въ первый разъ — повышеннымъ голосомъ произнесъ другую краткую молитву, коей начало: «Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ...»

Потомъ, плечи его поникли, голова опустилась къ груди. Онъ молчалъ, но продолжалъ стоять лицомъ къ образу, спиной къ Вѣрунѣ. Она ждала, съ опаской поглядывая на него. Показалось ей, что плечи его стали вздрагивать и что изъ устъ его вырываются бормотанія и всхлипыванія. Внезапно, онъ выпрямился во весь свой могучій ростъ, вскинулъ голову вверхъ и закричалъ изступленнымъ, ужаснымъ крикомъ, отъ котораго Вѣруня затряслася, какъ листъ:

— Мати Христа Бога! Владычица! Заступница наша! Слышишь ли Ты меня? Милосердная Приснодѣва! Благая! Взираешь-ли Ты на эту дѣвчонку, пожалѣвшую меня и мою герань?!...

И тутъ онъ сталъ громко молиться своими словами.

Молился онъ долго, мѣняя голосъ, а порою, даже, какъ будто разговаривая не только съ Богомъ, но и съ самимъ собой и съ разными знакомыми ему людьми, которыхъ онъ называлъ по именамъ. Онъ горько усмѣхался и причиталъ, онъ всхлипывалъ и безпомощно надрывался, а то — вопилъ и грозно взывалъ, а то, иногда (и тутъ голосъ его падалъ), онъ подымался до проникновенно-тихихъ призывовъ, до покорной мольбы и — еще выше — до молчаливаго вздоха.

Да, онъ странно молился! И, — можетъ быть, — лучше бы Вѣрунѣ и не слышать его! Однако, въ тотъ вечеръ онъ заночевалъ на кухнѣ, и сталъ по-

томъ приходитъ почти ежедневно, и долгіе часы проводилъ передъ образомъ Богоматери, бесѣдуя съ Богомъ, съ совѣстью, своей и людской, и со всей вселенной, видимой и невидимой. Такъ, постепенно, и вошли въ душу Вѣруни его недоумѣнные, отравленные и благоуханныя слова, пронзенныя бунтомъ и безудержнымъ чаяніемъ вѣры.

И еще нѣкто Никудимовъ, мало извѣстный писатель, среднихъ лѣтъ, — въ тѣ дни часто навѣщавшій Вѣруню, — сидя въ ея чуланчикѣ подлѣ сѣней, а то и въ самой кухнѣ, подолгу слушалъ эти молитвы и вопли... Долженъ-ли я за него признаться? Онъ слушалъ — и подчасъ записывалъ на бумагѣ. Не сомнѣваюсь, что при этомъ онъ переживалъ большую тревогу, — не совершаетъ-ли онъ преступленіе?! Не должно-ли писательское любопытство разоружиться хотя-бы передъ величайшимъ человѣческимъ горемъ?

Но если-бы Никудимовъ, задавшись такимъ вопросомъ, отвѣтилъ на него утвердительно, то ему нечего было-бы дѣлать въ этомъ мірѣ. Потому-то и потянуло его, въ 1918-мъ году, въ Москвѣ, къ молитвамъ и воплямъ человѣка, пришедшаго изъ мрака улицы.

Ш.

Онъ былъ безумный.

Звали его, вѣроятно — Дюковымъ, Андреемъ Трофимычемъ. Такъ онъ называлъ себя, говоря о самомъ себѣ, въ своихъ молитвахъ. Родомъ онъ былъ (или жилъ тамъ долго) изъ какого-то большого приволжскаго города. Онъ называлъ многіе города, и нельзя было понять, гдѣ для него мѣсто неотразимѣйшей боли и радости. Гдѣ-то — тамъ... по большому раздолью... Тверь... Симбирскъ... Самара...